

Библейский интертекст в хронике Н.С. Лескова «Соборяне»

Скачкова Надежда Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Само по себе наличие библейских цитат или аллюзий отнюдь не возводит хронику «Соборяне» в разряд исключительных произведений. Однако объем цитации у Лескова, разнообразие способов введения ее в повествование и многофункциональность заставляют говорить об этом приеме как одном из основополагающих для поэтики «Соборян».

Поэтика библейской цитации такого качества восходит, на мой взгляд, к древнерусской книжности. Обязательное соотнесение вновь случившегося и вновь написанного со Священным Писанием при помощи большого количества прямых и косвенных к нему отсылок, как следствие – особое осмысление действующих лиц, их поступков – особенность словесности именно Древней Руси. В «Соборянах» прием этот не просто повторен писателем, но развит им, во многом переосмыслен.

Герои хроники уподобляются персонажам Библии, за счет чего происходит углубление характеров или даже возникает новый неожиданный взгляд на них. Так, отец Захария, «кроткий старичок» [Лесков: 523], неизбежно становится в ряд с пророком Захарией, убитым между храмом и жертвенником, и тем самым приобретает ореол мученичества, вопреки всему своему незаметному житию. Протопоп Туберозов имеет целую череду библейских «прообразов»: пророки Иона, Илия, Исая, апостол Павел и др.; особенно интересна линия сопоставления Туберозова с Христом. В агиографической традиции идея параллелизма между мучеником и страдающим Христом – общее место. На языковом материале эта параллель выстраивается постепенно; апофеозом ее звучат читаемые Ахиллой над гробом Туберозова евангельские высказывания о Христе, в данной ситуации – о протопопе: «В мире бе, и мир его не позна», «и воззрят нань его же прободоша» [Лесков: 518] – Ин. 1: 10, 19: 37. Кстати, сам Туберозов, чья речь – и устная, и в его дневнике – полна отсылок к Библии, воспринимается как умудренный свыше, как пророк: эти слова не его, они святы и таинственны.

Посредством цитат и аллюзий из Писания могут вводиться темы и мотивы. Трости, павшие «между старгородским духовенством как библейские змеи, которых кинули пред фараона египетские кудесники» [Лесков: 16], надписи на тростях, апеллирующие к Моисею и Аарону («Жезл Ааронов расцвел» и «Даде в руку его посох»), отрывки из богослужебных текстов о бегстве из Египта, сравнение поездки в Петербург с «исходом Израилевым» [Лесков: 115], упоминаемый в проповеди Савелия «Моисей, убивший египтянина» [Лесков: 415], – так возникает лейтмотивный образ Моисея, причем большей частью непрямо, через намеки. Он приобретает статус условный, почти символический: думается, его значение для Лескова – чаемый «исход» России из «тьмы», то, что связано с начинавшимися религиозно-философскими исканиями писателя. Живая сопоставимость библейского мира с современными социальными и нравственными проблемами – традиция опять-таки древнерусская; она явственно звучит в проповеди протопопа на стих «Боже, суд Твой Цареву даждь и правду Твою сыну Цареву» (Пс. 17: 1), где примеры из Библии используются в качестве убедительной аргументации.

Другой комплекс рождающихся так же мотивов – эсхатологический, выраженный еще менее очевидно. Преобразившийся в конце хроники Ахилла говорит: «Не знаю, как все сие будет?» [Лесков: 507] – ср. евангельское: «...Не мимоидет род сей, дондеже вся сия будут <...> О дни же том и часе никтоже вестъ» (Мф. 24: 34, 36). Эсхатологическая тематика наиболее полно раскрывается в главах о смерти Туберозова: появляются слова о воскресении мертвых, потом образ «пира веры». Примечательно, что малая эсхатология у Лескова неразделима с мыслью о кончине всего мира.

Отсылки могут быть к библейским символам: змее (символ лукавства, распри), грому (гнев, суд Божий или величие Божие), свету (святость, чистота, преображение). С учетом такого контекста по-новому понимается, например, эпизод страшной грозы в лесу, после которой Савелий выходит на свой крестный путь. Некоторые библейские аллюзии возводятся в условные знаки с достаточно широкой и не вполне четкой семантикой: «утеха Израилева», т. е. младший сын Иакова Вениамин, – ожидаемое, любимое дитя и вообще последнее утешение; тыква (как тыква, защищавшая Иону от зноя), которую Плодомасова предлагает возрастить Савелию, – знак чего-то милого и вместе с тем насущного.

Часто цитаты и аллюзии употребляются Лесковым в ироническом или противоположном смысле, и здесь мы имеем дело уже с разработкой традиции: сравнение Туберозова с Хамом, «Ныне отпускаеши раба Твоего» в устах Термосесова по отношению к Борноволокову и т. д. Выделяются случаи (довольно многочисленные), где проводится параллель от чисто житейских ситуаций к библейскому плану, что для древнерусской книжности неприемлемо: «И без того хитон обличает мя, яко несть брачен (о ветхости одежды. – *Н.С.*), да и жена в одной исподнице гуляет» [Лесков: 54], «исход Израилев был: поехали в Питер» [Лесков: 115]. Подлинное содержание сопоставлений замаскировано тоном обыденности и шутливости.

Наконец, библейская цитация становится элементом сказовой поэтики, сливаясь с речью персонажей и рассказчика; в этом тоже переосмысление древнерусского приема.

В заключение скажу еще об одной точке соприкосновения Лескова и древнерусской книжности в отношении рассматриваемого приема: библейский интертекст, как привносящий план «вневременного бытия» [Лихачев: 333], воплощает определенный аспект представлений и об истории и времени: соотносимость современных лиц и происшествий с библейскими приводит к идее повторяемости их и в какой-то степени предопределенности; время мыслится неограниченно открытым в далекое прошлое и при этом в будущее (к грядущему суду).

Литература

Лесков Н.С. Соборяне. Хроника. М., 2005.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.